

Петр Немировский

**ФАВОР,
или
БАБУШКИН ВНУК**

Повесть

Глава 1

Нью-Йоркский аэропорт «Кеннеди». Знаменитый JFK. Суета, чемоданы и сумки на колесиках, объявления о вылете и посадке. Кому возвращаться домой, кому — дом покидать. Кому встречать, кому — расставаться. Одним — слезы радости, другим — печали.

Неискоренимое, пока существует род человеческий, стремление к перемене мест, к странствиям. А вдруг счастье там, за океаном? За горной грядой? За облаками?..

Все одеты по-весеннему — апрель на дворе.

Участок израильской авиакомпании «Эль-Аль» огорожен синей лентой. Меры предосторожности. У входа — двое молодых мужчин из службы безопасности авиаперелетов проверяют документы. Взяв у Натана его американский паспорт и билет, смерив его взглядом, начали задавать вопросы:

— Зачем и к кому вы едете? Вы бывали в Израиле раньше?

Почему у вас открытый билет?

По мере нарастания вопросов Натан догадался, что сейчас так легко не отделается. Отвечал с предельной ясностью:

— В Израиле жили мои родители и сестра. Пять лет назад они уехали в Канаду. В Израиле, в доме престарелых, осталась моя бабушка. Недавно она перенесла операцию. Вы понимаете, да? Почему у меня открытый билет? Потому что не знаю точно, сколько там пробуду: может, неделю, может, месяц.

— Вы — не американец, не так ли?

— Да, я родом из Литвы. Еврей, но мой родной язык — русский. Еще говорю по-литовски и, как вы успели заметить, по-английски.

— О'кей, о'кей. Кем вы работаете?

— Я не работаю. Вернее... Я — писатель.

Он умолк. С чего вдруг он так распинается перед этими двумя самовлюбленными индюками, изображающими из себя суперагентов? Ведь понятно — он им просто не понравился. Не понравился, и все тут. А уж к этому, первому чувству обычной человеческой неприязни, порою ошибочно принимаемому за профессиональное чутье, можно добавить и целую грудку рациональных объяснений.

А может, и вправду есть что-то подозрительное в этом худошавом, невысоком мужчине сорока лет по имени Натан Армель? Одет, впрочем, обычно и по сезону: в джинсах и куртке. Черные густые волосы зачесаны назад. Но какой-то он не такой. Хоть и улыбается не нагло, не во весь рот, а как-то по-доброму, даже печально. Но очень странная задумчивость на его лице, какая-то отрешенность во взгляде его серых глаз. И без шапки.

— Знаете ли вы какие-либо еврейские праздники?

— Разумеется, знаю: Пасха, Ханука, Йом-Кипур.

— Что вы знаете про Йом-Кипур?

— Вы, ребята, экзаменуете меня по иудаизму? Может, позволю сюда еще и раввина? — он провел пальцем по своему тонкому носу с горбинкой. Хмыкнул. «Все, сейчас они мне устроят».

И оказался совершенно прав. Вскоре, раздетый по пояс и босиком, он стоял на резиновом коврикe в каком-то подземном бункере знаменитого аэропорта. Сотрудники службы безопасности тщательно проверяли все его карманы, ощупывали подкладку куртки, даже пряжку ремня, рылись в его багаже.

«Приключения начались уже в аэропорту. Символично».

Однако все обошлось: у него не нашли ни бомбы, ни пистолета. Извинившись за причиненный дискомфорт, пожелали счастливой дороги.

Зарегистрировав билеты, он остановился возле таможни. Там, у подковообразных металлических детекторов, общее волнение достигало своего пика. Там — и последние поцелуи, и слезы, и прощальные взмахи рук. Бог ты мой! Сколько маленьких и больших трагедий разыгрывается на этом пяточке таможни, в Нью-Йоркском аэропорту «Кеннеди», как, впрочем, и в любом другом международном аэропорту...

Глава 2

В Израиле до этого он бывал дважды, короткое время гостил у родных. В последний раз — пять лет назад, перед их переездом в

Канаду. Зачем летел в этот раз? Действительно навестить бабушку Лизу, которая недавно сломала шейку бедра и перенесла операцию. Должна была лететь мама, но сестра Светка в Канаде только-только родила третьего ребенка, страдала от сильной послеродовой депрессии, и мать с отцом ей были нужны в помощь. Поэтому мама попросила Натана слетать в Израиль и «морально поддержать бабушку». Предложила оплатить дорогу и нашла через знакомых квартиру, где он мог бы остановиться.

Он согласился. Почему бы нет? В Москве недавно была издана его третья книга, в Нью-Йорке готовился к печати его второй сборник, в английском переводе. Он только что закончил новый роман. Требовался отдых. Нужно было отвлечься, обдумать новые замыслы.

И была еще одна деликатная, но весьма серьезная причина для этой поездки. Его жена Аня никак не могла забеременеть. Не получалось. Не первый год они пытались, столько было потрачено нервов, денег! Ходили по разным врачам, Аня перенесла две легкие операции, которые тоже ничего не дали и без которых скорее всего можно было обойтись. Делала различные тесты, принимала таблетки. Безрезультатно. Врачи сами толком не знали, в чем причина ее бесплодия.

Сделали попытку искусственного оплодотворения, которая съела больше половины их сбережений. Опять впустую. Оставался последний вариант: тоже искусственное оплодотворение, но в пробирке, по самым последним технологиям. Однако такая процедура в Штатах стоит очень дорого, и гарантий никто не дает. А в Израиле, говорят, для граждан страны такое делают бесплатно.

Аня при всей своей любви к Америке (родители привезли ее в Штаты, когда ей было семь лет), узнав, что в Израиле бесплатно делают искусственное оплодотворение, была готова и на переезд. Натан четкого мнения на этот счет не имел. Но согласился еще раз поехать в гости и разузнать там все на месте.

Словом, все как-то сошлось в пользу этой поездки.

А что насчет Елизаветы Марковны, которую Натан почти всегда называл бабой Лизой и крайне редко — бабушкой? Хотел ли он действительно ее навестить? Честно говоря, нет.

Он считал, что баба Лиза никогда не дарила внуку той любви, которую он заслуживал. Вот так бывает: единственный внук, которого называли в честь ее погибшего мужа. В детстве вроде был хорошим мальчиком, с кудрявыми волосиками и ямочками на щеках.

Но почему-то баба Лиза ни во что не ставила его ямочки и кудряшки. Всю свою любовь отдала младшей внучке. Для Светки у бабы Лизы находились самые нежные слова — и «изюминка», и «бусинка».

Как-то она подарила внучке рояль, новый, немецкий. Сама водила ее в музыкальную школу. Когда Светка исполняла на рояле Моцарта или Шопена, дома перед гостями или в музыкальной школе на концертах, баба Лиза почти всегда плакала от умиления. Долгое время Натана раздражали эти ее слезы. Быть может, потому, что сам он музыкального слуха не имел, на музыкальных инструментах не играл и во время этих концертов сидел где-то в углу.

Но однажды, во время одного такого концерта, баба Лиза вдруг обратила к нему свое лицо и как-то странно посмотрела ему в глаза. С таким выражением, что Натана пробрала дрожь. Почувствовал, что не

игра «изюминки», а божественные звуки Шопена коснулись ее души, встревожили в ней что-то тайное, быть может, вернули в прошлое или приоткрыли что-то в будущем. Наверное, целую вечность она смотрела на Натана, даже не вытирая слез со своих напудренных щек. Этот день не забыть.

Концерт, однако, закончился, звуки стихли, слезы на щеках бабы Лизы высохли. Жизнь побежала дальше своим чередом.

Можно попытаться объяснить и с точки зрения психологии, почему в сердце Елизаветы Марковны было так мало места для внука: он ей напоминал ее первого мужа, и не только внешне.

Дед Натан тоже был из категории «ищущих». Выучился на архитектора, но почему-то всерьез увлекся театром, даже поставил какую-то пьесу. Театр, однако, закрылся двадцать второго июня сорок первого года. Через два дня в Вильнюсе начались расстрелы евреев, еще стихийные, а уже через неделю в Понары поехали набитые евреями грузовики, охраняемые автоматчиками...

Елизавета Марковна успела уехать с четырехлетней дочкой (будущей мамой Натана) за день до оккупации Вильнюса, а ее муж остался. Хоть и мог уехать вместе с ней. По ее словам, он собирался организовать подполье и воевать. Романтик!

Упомянув своего первого мужа, Елизавета Марковна всегда печально и, как казалось Натану, с некоторым укором качала головой. Порой называла его «несерьезным, непутевым человеком». Мол, кому была нужна его смерть? А согласись он уехать с нею — может, уцелел бы...

Интересно, что еще с детства, ничего не зная ни об иудаизме, ни о Каббале, утверждающей, что возвращаются и вселяются в новые тела

души тех, кто по какой-либо причине не смог исполнить свою миссию на земле, Натан всегда чувствовал в себе присутствие чьей-то иной, очень родной, но все же не его собственной души. С годами, правда, это чувство стало притупляться...

Так вот, возвращаясь к психоанализу: Натан-внук напоминал Елизавете Марковне ее «непутевого» первого мужа, которого она, несмотря на свои последующие два брака, продолжала любить. Два ее других мужа были людьми «путевыми», положительными: один — замначальника таксопарка, второй — директор ателье по пошиву одежды. Оба умерли относительно рано, от болезней. И бабе Лизе, словно преследуемой злым роком, пришлось трижды овдоветь. За несколько лет до эмиграции в Израиль она познакомилась и съехала с отставным полковником артиллерии, ветераном войны, весь китель в орденах. Но дети полковника уехали в Америку и утащили папу с собой, несмотря на все его мольбы оставить его с «Лизочкой».

Она никогда не снимала золотого перстенька с маленьким рубином с безымянного пальца левой руки. Как вдова. При всей своей любви к ювелирным украшениям, будучи в новых браках, никогда больше не носила обручального кольца. И взятую себе фамилию деда Натана тоже не меняла. И свадебную их фотографию всегда держала в рамочке на видном месте. И никаких других фотографий с «путевыми мужьями» внук никогда у нее не видел.

Внук Натан в глазах Елизаветы Марковны тоже был несерьезным и непутевым. На такого, она считала, нельзя положиться. Такие либо бессмысленно погибают, либо попадают в тюрьму.

Она извечно подозревала Натана в намерениях совершить что-то неблагоприятное. Как будто отодвигала шторку его души и заглядывала

внутри: «Ну-ка, ну-ка, сейчас посмотрим, что там за чертовщинка». Отдадим ей должное: она всегда безошибочно угадывала, когда внук симулировал болезни, чтобы пропустить школу, когда (как бы сказать помягче) заглядывал в родительские кошельки и находил там «лишнюю» мелочь, в каких «нычках» прятал сигареты. Все это его чертовски раздражало. Такая слежка! Такая подозрительность!

Когда в девяносто первом крохотная Литва вырывалась из Советской империи и по старой брусчатке Вильнюса пошли танки, а Вильнюсский ОМОН и снайперы на крышах по приказу из Москвы открыли огонь по мирным жителям, баба Лиза примчалась в дом и стала требовать, чтобы родители немедленно заперли все двери и окна. «Он же пойдет к телебашне и там погибнет! У него есть оружие, он где-то прячет оружие!» — кричала она, как всегда, верно угадав планы Натана, тогда второкурсника университета. Насчет оружия, правда, ошиблась, где он мог его взять? Но к телебашне пошел...

А может, причина их взаимной нелюбви заключалась в том, что они с бабой Лизой были как бы представителями разных миров? Натан — друг свободных муз, а Елизавета Марковна — бухгалтер — слуга холодных цифр. Сытый голодного, как говорится...

В любом случае, в своем сердце Натан всю жизнь носил обиду на бабу Лизу. И в том, что бабушка осталась одна в Израиле, в доме престарелых, за собой никакой вины не чувствовал. Она ведь столько отдала не ему, а внучке: помимо любви — и квартиру свою, когда Светка вышла замуж, и деньги ей всегда подбрасывала, и помогала поднимать на ноги детей. И рояль.

Бабу Лизу он, конечно, проведает. Но важнее — разузнать про возможность для них с Аней иметь ребенка. Ведь все не так просто: нужно будет получить израильское гражданство, оформить медстраховку, найти больницу, где такое делают — детей в пробирках. А как быть с жильем? С работой? С языком? Неужели снова куда-то ехать, все начинать заново?

Вот так: одному Бог дает детей, другому нет. У Светки уже третий родился, причем незапланированный. В каждой стране — по ребенку: первый — в Литве, второй — в Израиле, третий — в Канаде. Аня же на что только не согласна, чтобы стать матерью. А не дает Бог.

Не так давно они были на приеме у очередного акушера-гинеколога, известного в Нью-Йорке специалиста в этой области. Даже не выслушав их до конца, врач-светило придвинул к себе лист бумаги и калькулятор. И погнал стучать по кнопкам, говоря, за какую процедуру даст скидку и на сколько процентов, а за какую — скидку не даст. И все записывал цифры столбиком, складывал, вычислял проценты. А столбик рос, рос, становясь колонной, и линзы очков знаменитого врача поблескивали.

В конце приема вручил им лист с окончательной суммой, от которой у обоих потемнело в глазах. Просил не задерживать с ответом, потому что у него — очередь, все расписано на полгода вперед.

На улице Аня расплакалась. А Натан, рассердившись, вернулся в кабинет того врача-бухгалтера и разорвал бумагу с калькуляцией перед его носом. Деньги деньгами, но ведь нельзя же так откровенно, не колбасой же все-таки торгует!

Чувства их объяснимы. Но проблему это никак не решило.

Съездили с Аней и на могилу известного хасида — ребе Шнеерсона, что на кладбище в Квинсе. Считается, что дух великого Любавического ребе может творить чудеса. Нужно оставить на могиле записку и помолиться. Говорят, что свои просьбы по факсу и по электронной почте туда шлют евреи со всего мира. Сотни просьб в день!

На кладбище, возле склепа, находится и небольшой дом, где факс и компьютер, принимающий онлайн-просьбы. В том же доме — молельня и столовая. Как это часто у евреев — всё в одном месте.

Вдвоем с Аней они вошли в склеп. Несмотря на поздний вечер, здесь было немало посетителей, мужчин и женщин разного возраста. Натан написал свою просьбу и бросил бумажку поближе к надгробному камню, у которого лежало много свернутых бумажек. Собрался уходить. Аня накрыла голову косынкой, взяла в руки молитвенник.

И так она была прекрасна в своем отчаянье, в своей мольбе, что, глядя на жену, Натан как-то по-новому полюбил ее. Подумал тогда, что ради нее готов ехать не только в Квинс, на кладбище, а к черту на рога.

Кстати, пока Аня молилась, Натан в соседнем доме уже пил водку «Смирнофф» с хасидами. У них, оказывается, был какой-то праздник. А если у евреев праздник, то нужно петь и гулять, хоть на кладбище. Выйдя из склепа, задумчивая Аня нашла своего мужа подвыпившим, танцующим в обнимку с хасидами. Все дружно приседали, выкидывали коленца и задорно выкрикивали: «Мошиах! Мошиах!..»

Да, дух Любавического ребе помог хорошо повеселиться в тот вечер. Но с ребенком — увы, никак. И денег на новые медицинские эксперименты у них уже не было.

А годы-то идут. Ане уже — тридцать восемь. Будильник «тик-так, тик-так». Аж в ушах гремит.

Глава 3

Елизавета Марковна могла уехать в Канаду вместе с родными, но решила остаться в Израиле. Попросила помочь ей сложить и отнести в дом престарелых вещи.

Странно, конечно: дочка, зять, внуки, правнуки. И вроде бы никто не виноват в том, что бабушка осталась одна. У всех свои уважительные причины, всех можно понять. Но так и напрашивается: баба с воза...

Объясняя такое свое решение, баба Лиза уверяла, что в доме престарелых ей смогут обеспечить приемлемые условия жизни, нужный уход, медобслуживание и прочее. Но помимо этого, как бы официального, существовало и другое объяснение — истинное: Елизавета Марковна жалела свою дочку и внучку, не хотела там, в Канаде — на новом месте и в чужой стране, стать для них обузой. И хоть была женщиной капризной, требующей повышенного внимания к своей персоне, но когда необходимо было сделать тяжелый, страшный шаг — отрезать по живому, Елизавета Марковна этот шаг делала. Она была человеком поступка. Реалистка по натуре, иллюзий не строила, знала, на что идет, выбрав для себя дом престарелых.

Она любила повторять: если нужно, настоящая женщина должна уметь закрывать свое сердце.

Мама, конечно, испытывала из-за этого угрызения совести. Извинялась и перед Натаном, говорила, мол, бабушке там будет лучше.

Раз в году потом ездила ее проведывать в Израиле, на недельку или на две.

Натан очутился в Америке, еще когда вся семья оставалась в Литве. Светкин муж в Вильнюсе открыл свою компьютерную фирму, бизнес пошел, ни про какую эмиграцию он и слышать не хотел.

А Натан поехал в Нью-Йорк по студенческой визе, с четвертого курса филологического факультета. Улетал не навсегда, только на год. Но смутное предчувствие, что он останется в Америке, бродило в душе.

Вскоре на Светкиного мужа в Вильнюсе наехали, потребовали денег и «поставили на счетчик». Пригрозили, что «устроят ему, вонючему жидасу, новые Понары». В Израиль им тогда едва ли не бежать пришлось. Но в Израиле им упорно не нравилось, и через некоторое время они перебрались в Канаду.

Так и разлетелась семья по всему свету...

Раз в году Натан звонил в Израиль, поздравлял бабушку с днем рождения. Она ничего не знала о его жизни в Америке. А он и не пытался просвещать ее на этот счет. Спрашивал то, о чем обычно спрашивают у стариков: как спишь? Как аппетит? Что болит? Через несколько минут, когда список этих традиционных вопросов приближался к концу, Натан мысленно подбирал слова прощания, напоследок желал бабушке здоровья, обещал звонить почаще. Случалось, правда, что забывал поздравить бабу Лизу даже с днем рождения. Тогда мама звонила ему из Канады и журила: мол, нехорошо — бабушка обижается.

Глава 4

До сих пор он никогда не бывал в домах престарелых. Не приходилось. Сейчас ожидал увидеть что-то мрачное, удручающее.

Ничего подобного! Никаких тебе темных комнат и плотно задвинутых штор.

В просторном, светлом зале за столиками сидят старички и старушки (старушек приблизительно вдвое больше, статистика, стало быть, не врет — век мужчин короче женского). Играют в карты, читают, разговаривают. Смотрят телевизор. Ухожены, причесаны.

И за одним столом, лицом к входной двери — баба Лиза. Почти не изменившаяся за пять последних лет. Поразительно, Елизавету Марковну в ее восемьдесят восемь лет можно было бы легко узнать по фотографиям пятидесятилетней давности. Есть такие лица — неменяющиеся. Правда, такая неизменяемость часто относится к типу лиц грубых, словно отесанных рубанком.

А вот у Елизаветы Марковны черты нежные. Над ее лицом природа работала не рубанком, а тонкими ювелирными пилочками, бережно снимая каждую лишнюю крошку, чтобы добиться такой красивой покатости лба, широкого разреза глаз и мягкого подбородка. Разве что носик ее был чуточку смешной — гулькой.

Ее лицо, конечно, сейчас было в морщинах, но совершенно не дряблое. Очаровательный бантик губ. Правда, из-за старости нижняя губа стала выдаваться вперед, отчего лицо приобрело выражение некоторого недовольства. Зато глаза, которые Натан всегда сравнивал с двумя спелыми вишнями, оставались не выцветшими даже при

наличии искусственного кристаллика в одном из них и периодического конъюнктивита.

Волосы ее были совсем седые. И не завиты. До сих пор не мог себе представить бабу Лизу с неокрашенными волосами и без перманента.

О-о, эти красивые слова из мира женщин! Слова, некогда вылетающие из уст бабу Лизы и почему-то сильно волновавшие сердце мальчика Натана одним своим звучанием: маникюр, косметика, ателье, фасон...

Елизавета Марковна — она, и никто другой, даже не мама, которая своей внешности уделяла мало внимания, — когда-то открыла Натану этот чарующий мир, где женщины — в перманенте, в маникюре, в фасоне. Одно время он путался и не мог разобраться в значениях этих волшебных слов.

Баба Лиза — в велюровом платье из ателье, с каштановыми пышными волосами, хоть и ходила смешно на своих коротких ножках, врывалась прекрасной дамой в мир Натана-внука.

А за нею семенил муж — какой-нибудь несчастный замдиректора.

Чем-то они — ее мужья, официальные и гражданские, невзирая на все различия, были похожи. Они напоминали ее слуг, пажей из ее свиты. И эта сторона бабушкиной натуры для Натана всегда оставалась самой загадочной.

Мужья Елизаветы Марковны безропотно сносили все ее капризы. Казалось, что им было даже в радость нестись, скажем, в магазин в семь утра, чтобы «купить Лизоньке свежий творожок». И если баба Лиза находила этот творожок несвежим — а такое случалось не однажды, — то мужу приходилось искать «свежий» едва ли не по всему городу.

Все мужья одинаково называли ее «Лизонькой» или «Лизочкой». Смотрели на нее, как на божество, снизу вверх, хоть она была небольшого роста. Сами делали уборку квартиры, занимались хозяйством. Помнится, ее последний гражданский муж — отставной полковник артиллерии — на старости лет даже начал писать стихи, все посвященные «Лизоньке». Трудно было поверить, что бывший военный, всю жизнь читавший только газеты и уставы воинской службы, ну, может, еще какие-то полунаучные статьи о баллистике, полете снаряда, вдруг разразился лирикой. Причем сочинял это не для «публичных чтений», а только для Лизочки. Просил, чтобы она никому из родных и близких об этом не говорила...

Чем же она так очаровывала этих мужчин? Какому гипнозу их подвергала? Однажды Натан заметил, как Мирон Сергеевич, муж — директор ателье, проходя за спиной бабы Лизы, сидящей за столом, вдруг остановился и бережно смахнул с ее плеча пушинку, влетевшую с улицы через окно! Буквально по поговорке: сдувать с нее каждую пылинку, как с королевы.

Но когда приходила беда, она вставала со своего трона, снимала корону, отставляла в сторону свой «творожок» и, закатав рукава по локти, как последняя батрачка, начинала ухаживать за больным мужем. Сама и бегала по магазинам на край Вильнюса, и тратила, не считая, деньги на врачей и лекарства, и вылизывала до блеска квартиру, и выводила больного гулять, крепко держа его под руку, как бы трудно ей это ни давалось. Жила только мужем, им одним, лишь бы вырвать его из лап болезни. Вела борьбу с завидным упорством...

Сейчас она сидела в кресле-каталке, положив правую руку на бедро, где в месте поломанной кости теперь был вставлен титановый штырь и наложены швы.

Она сразу узнала его, увидев еще издали идущим по коридору с букетом цветов. Слегка приподняла голову и сняла очки.

— Здравствуй, бабушка, — наклонившись, он поцеловал ее в щеку.

— Здравствуй. Вот стул, садись, — она указала на стоящий рядом стул. — Не думала, что ты приедешь. Не ожидала.

— Я тоже, если честно, не собирался. Но все-таки решил тебя проведать.

— Спасибо... Надо же было такому случиться, а-ах!.. Шла по коридору, вдруг закружилась голова, в глазах потемнело, и я — на полу, с поломанной ногой. Отвезли в больницу. А в тот день был теракт, в больницу привезли раненых. Поэтому мне пришлось еще и ждать до ночи, пока прооперировали всех тяжелых... Нужно куда-то поставить цветы. Су-ра! Су-ра! — позвала она, и через несколько минут возле них стояла медсестра.

— Это мой внук Натан. Помнишь, я тебе рассказывала о нем. Дай нам какую-нибудь вазу для цветов.

— Сейчас что-нибудь найдем. Здравствуйте, — поприветствовала она Натана. — Вы молодец, что приехали, не побоялись. В такое-то время — второй теракт за месяц!

Вскоре на столе стояла ваза с цветами. Глаза почти всех старичков и старушек в зале с завистью и любопытством устремлялись на них: на бабу Лизу с внуком и на цветы.

— Ты надолго приехал?

— Не знаю, у меня открытый билет. Думаю, недели на две, может, чуток побольше.

Она умолкла. Поглаживая напудренный подбородок, смотрела перед собой. Пыталась охватить умом услышанное. Такая сложная категория времени с его относительностью: две недели! Это же так долго — как два столетия! Или же: так быстро — как два мгновения...

— Что ж, увидишь, как живет твоя бабушка-калека. Теперь я навсегда прикована к инвалидному креслу. Зачем нужна такая жизнь, если тебя возят на каталке? Ой, как болит!

— Ладно, не плачь. Даст Бог, еще встанешь.

— Нет, нет! Все, песня моя спета... — она достала из кармана белый носовой платочек и поднесла его к глазам.

Чтобы не видеть ее плачущей, Натан отвернулся. Ему стало неловко. Причитания бабы Лизы — не новость для него. Но всегда знал: если понадобится, она соберет волю в кулачок и, «закрыв свое сердце», совершит любое чудо.

Но в этот раз баба Лиза явно не шутит. И вообще, сейчас он не узнавал ее — какая-то безвольная, надломленная, жалкая.

— Как ты живешь? Чем занимаешься? — спросила, немного успокоившись. — Помню, что одно время ты работал переводчиком.

— Да, всякое довелось попробовать. Работал и судебным переводчиком, и журналистом на радио «Свобода». Но все это позади. Теперь я — писатель, в Америке и в России издают мои книги.

— Гм-м... Все-таки добился своего. Честно сказать, я всегда сомневалась, что писательство для тебя — серьезно. Считала, что у тебя ветер в голове и что ты не найдешь свою дорогу в жизни. Твой отец, помню, советовал, чтоб ты пошел по его стопам и стал педиатром. Но ты никого не слушал. А где твои книги? Почему ты их не принес? Завтра же принеси! Фейга, — обратилась она к сидящей рядом старухе с всклокоченными волосами. — Это мой внук Натан Армель, известный писатель. Ты, Фейга, себе не представляешь, какой он одаренный. Книги всегда читал — запоем. Помню, как еще ребенком залезал ночью под одеяло с фонариком и читал. И, главное, верил тому, что написано в книгах, поэтому с ним всегда случались всякие приключения, — она говорила громко, чтобы слышало как можно больше присутствующих в зале.

И вправду — многие старушки и старички жадно ловили слова бабы Лизы и пристально смотрели на Натана. Вероятно, знали, что к бабе Лизе приехал внук из Нью-Йорка. Но то, что он — известный писатель, для них было новостью.

Фейга, покивав головой, промолвила:

— У меня тоже есть сын. Он — ученый, математик. Работает в Иерусалимском университете. Сейчас он очень занят и не может прийти ко мне. Но скоро придет, и я вас познакомлю. Вы обязательно должны с ним познакомиться.

— Потом, потом будешь рассказывать про своего сына, — перебила ее баба Лиза и снова обратилась к Натану. — А как в Америке поживает твоя жена?

— Аня работает помощником адвоката. Живем с ней — душа в душу. Все бы хорошо, жаль только, что детей у нас нет. Не получается.

У Светки, вон, видишь, уже третий родился, канадец. А у нас и одного нет... — подумал, стоит ли посвящать бабу Лизу в их планы возможного переезда в Израиль.

Елизавета Марковна вперила в него строгий взгляд:

— Аня делала аборты?

— Нет. Правда, не вру...

Она пожала плечами:

— Что делать? Нужно надеяться и просить Бога. Может, даст.

Помолчали.

Приблизительно часа через два Натан собрался уходить. За это время он и в комнату бабу Лизы успел заглянуть, и отвез ее в кресле-каталке в столовую. Поговорили о родных в Канаде. Что еще?

— Ладно, ба, я пошел. Увидимся завтра.

— Побудь со мной еще немного. Хоть полчаса, — тихо попросила она. — Пожалуйста...

Глава 5

В течение недели Натан побывал в больнице, где делают искусственное оплодотворение, зашел и в агентство, которое занимается новыми иммигрантами.

В целом, все выглядело вполне осуществимым. Операции по искусственному оплодотворению в Израиле делают — точно такие же, как и в Штатах. Но в отличие от Америки, где эта процедура стоит тысяч семьдесят, а то и больше, в Израиле для граждан это делают бесплатно. Гарантий на успех никто не дает и здесь, но показатели высокие, не ниже американских.

Формально для них с Аней переехать и стать гражданами Израиля никаких препятствий нет. У Ани — отец русский, мать — еврейка. Согласно законам иудаизма, Аня — еврейка.

Короче, приезжайте на историческую родину, получите гражданство. И хоть на следующий же день идите в больницу обследоваться. Плодитесь и размножайтесь, как повелел Всевышний. Хоть и в пробирке, какая разница?

...Натан ходил по улицам маленького городка Афула. Пил кофе. Покупал знаменитые афульские, говорят, самые вкусные в мире семечки.

Любовался видами Изреельской долины. Днем над долиной парили дельтапланы, взлетающие с вершин Галилейских гор в небеса, туда, где реют ястребы.

Неповторимая картина — стаи кружащихся аистов у горы Фавор.

Эта знаменитая гора хорошо видна из многих мест в Афуле, даже из окон в комнате бабы Лизы. До Фавора из города можно дойти пешком приблизительно за час. Гора усажена старыми туями и кипарисами; издали она имеет вид высокой темной шапки идеально округлой формы, как бы чуточку приподнятой над землей.

Почему-то притягивает к себе эта гора все вокруг: и замороженные взгляды людей, и парящих птиц, и облака. Свиваясь вокруг вершины в кольцо, облака сгущаются и медленно оседают, окутывая всю гору, до самого ее основания. И кажется, что никуда уже не уплывут...

Стоя на одном из холмов, Натан часто любовался и видами ночной долины в голубых огоньках арабских поселков.

А на рассвете, в половине пятого, с минаретов муэдзины созывали правоверных к молитве, и заунывные звуки: «Алл-лла-а... ак-ба-а-а...»

разносились окрест. Жители города наверняка привыкли к этим утренним стонам и спали, никак на них не реагируя, а бедный Натан просыпался и после этого заснуть уже не мог.

Он принимал душ, одевался и отправлялся бродить по улицам.

Тяжелыми листьями хлопали пальмы. Гигантские кактусы были изрезаны какими-то надписями на иврите и русском.

На утреннюю молитву в синагоги шли хасиды в черных лапсердаках и шляпах, неся под мышками книги и мешочки с молитвенными принадлежностями. Семенил в мечеть мусульманин в халате и феске, шлепая сандалиями по пыльной дороге. Солдаты в зеленой униформе и полусапогах, позевывая, выходили из подъездов домов, шли к автобусным остановкам, волоча автоматы и вещмешки.

В который раз Натан пытался представить себя живущим в Израиле. Пытался вообразить, как они переедут сюда с Аней. Снимут квартиру, обязательно окнами на Фавор. Чтобы из его кабинета была видна и долина в рассеивающемся тумане, и стаи птиц в небе, и облака, обволакивающие горы.

И пусть по утрам стонет муэдзин. И бьют колокола в соборах. И частенько воют сирены полицейских машин. И круглые сутки гремит музыка в домах арабов и горских евреев. И в магазинах обсчитывают. И безбожно обманывают таксисты...

После многих лет жизни в Нью-Йорке израильская жизнь теперь казалась Натану слишком провинциальной, немного комичной в своих беспомощных потугах во всем подражать Америке.

Виды на Фавор, конечно, хороши. Но как раздражает эта бесконечная болтовня всех со всеми вокруг! Повсеместные попытки

обмана ради одного несчастного шекеля! Невыносимая жара днем!
Мусор. Везде нужны взятки, подарки, знакомства. Восток.

Гуляя по пыльным улицам, приглядываясь к прохожим, заходя на базары, в банки и духаны, заводя случайные разговоры с официантами и продавцами, Натан в который раз ловил себя на мысли, что его тянет домой. Сам не заметил, как Нью-Йорк стал ему родным городом.

Глава 6

— Привет! Лаба дена!¹ Шалом! Молодец, Натик, что позвонил.

Сколько же лет прошло с тех пор, как мы не виделись?

— Пять.

— Вот так да! А ты, чувакас², почти не изменился за эти годы.

— Ты тоже. Только, гляжу, появились морщинки на лбу.

— Да, брат. У нас в стране сам видишь, какая жизнь. Балаган! Всё на нервах.

Они похлопывали друг друга по плечам, улыбались. Томас — ростом чуть выше Натана и пошире в плечах. Он был в шортах и футболке. В руке держал снятые солнцезащитные очки.

— Сядем здесь или хочешь пойти в более серьезное место? — спросил Томас. — В ресторан или в стриптиз-клуб? У нас тут все это тоже есть, не хуже, чем в твоей Америке. Знаешь, что сказал Бен-Гурион, когда к нему прибежали перепуганные министры с новостью, что в Эрец Израэль — на Святой Земле! — арестованы первые бандиты и проститутки?

— И что же сказал Бен-Гурион?

— Сказал: Барух Ашем, слава Богу! Значит, Израиль стал нормальным государством. В нормальной стране, говорит, должны быть не только свои праведники, но и свои преступники. Вот так. Ладно, где же мы приземлимся?

— Давай пока обойдемся без ресторанов и стрип-баров. Вон подходящее местечко, — Натан кивнул в сторону кафе неподалеку, и приятели направились туда.

Томас — друг детства и юности, в Вильнюсе жили в одном пятиэтажном доме, учились в одном классе. Отец Томаса литовец, мать — еврейка. Внешне Том похож на отца: такие же простоватые черты лица, светло-русые волосы, элегантные усы. По темпераменту, однако, пошел не в уравновешенного, флегматичного отца, а в мать: такой же, как и она, деятельный, с живым умом.

Том практичен и хитроват, в Натане же всегда ценил стремление к утонченности во всем, доходящее до самолюбования, и его любовь к независимости.

Когда-то они были верными друзьями. Том был готов за Натана в огонь и в воду. Заступался за Натана перед антисемитами-старшеклассниками, за что не раз был побит.

Родным языком Томаса был русский, но густо нашпигованный литовскими жаргонными словечками, всякими там «чувакас, ништякас, лохас».

После школы он окончил автодорожный техникум. Но по специальности работал недолго и подался в коммерцию: пробовал что-то продавать, пока не связался с каким-то аферистом, который сбывал угнанные автомобили. Был арестован, сидел в следственном

изоляторе, к счастью, от тюрьмы отвертелся. И уехал с родителями в Израиль.

Теперь живет в Хайфе, где они сейчас и встретились.

...На столике стояли два бокала с холодным пивом, в блюдах поблескивали оливки.

— Ты надолго в наши края? — спросил Том.

— Не знаю. У меня открытый билет. Планировал на две недели. Но бабуля стала плакать, просит, чтобы побыл с ней. Наверное, останусь ненадолго. Жалко ее.

— Сколько бабе Лизе годов-то? И с головой у нее все в порядке? Вот это женщина, уважаю! Хоть она и не любила меня никогда. Помнишь, как она когда-то вмешалась и расстроила мой роман с твоей Светкой? Н-да... Спрашиваешь, как мои предки? Слава Богу, все о'кей. Отец подрабатывает — помогает одному арабу устанавливать кондиционеры, мама присматривает за детьми в ортодоксальной семье. Они сейчас отправились в круиз по Средиземному морю, жаль, что ты не повидался с ними. А как твои в Канаде?

Расспросы о родных чередовались с воспоминаниями детства и юности.

— А помнишь «делку века»: как мы поменяли мой магнитофон на мотоцикл? Потом ездили на нем вокруг дома ночью без глушителя, и сосед грозился вызвать ментов. А мы ему: «Атсипрашау, извините, чувакас, но в мотоцикле мотор очень старый»... А помнишь, как пошли в поход, напились и решили переплыть Неман? Ты еще, пьяный, ругался с капитаном какого-то корабля, прямо на фарватере, мол, что тебе плавать мешают. Ха-ха-ха!..

— Да, было дело...

— Я слышал, что ты стал писателем. Это правда?

Натан поморщился: в доме престарелых у бабы Лизы все просят его книгу с автографом. Старушки из Аргентины и Румынии, не знающие русского и почти не владеющие английским, — и те просят. Раввин, который приходит в дом престарелых по пятницам перед Шаббатом, чтобы зажигать там свечи и читать субботнюю молитву, узнав, что Натан — писатель, тоже попросил у него книгу. И медсестры, и санитары. Словом, баба Лиза «раскрутила» своего внука. Не сходя с места.

Официантка из бара, где он часто утром пьет кофе, вчера спросила: «Вы — Натан Армель?» Оказывается, она читала его роман и узнала Натана по фотографии на его сайте. И рассказала об этом подружкам-официанткам. Вот так приходит земная слава...

— Да, пишу, мараю бумагу... Расскажи лучше о себе. Чем занимаешься?

Том обратил улыбчивое лицо к солнечным лучам, проникающим под парусиновый навес. Снова надел солнцезащитные очки.

Эти постоянно снимаемые-надеваемые очки сейчас немного раздражали Натана. Как раздражала его и новая манера Тома часто оглядываться по сторонам. Будто бы он кого-то ждал или от кого-то скрывался.

— Что о себе? По-прежнему холост, детей нет. Сейчас владею одним серьезным бизнесом. Очень опасным. Но очень нужным, — загадочно ответил Том.

— Ну колись, чувакас, давай.

Том помолчал, что-то взвешивая в уме:

— А знаешь что? Мы с тобой, Нат, обязательно должны встретиться еще раз. Узнаешь про мой бизнес. Тебе как писателю это будет интересно. Я вот еще о чем думаю: не отдохнуть ли нам вместе пару дней на море, в Эйлате? Я давно собираюсь в отпуск. А теперь и повод появился. Можем поехать туда сразу после Дня независимости. Согласен?

Глава 7

Натан продолжал вникать в жизнь дома престарелых.

Этот трехэтажный дом располагался на окраине города. Этаж проживания зависел от состояния здоровья его обитателя.

На первом этаже находились те, кто очутился здесь после операций и поначалу нуждался в усиленном медицинском уходе. Эти были временщиками. Многие из попавших на первый этаж через месяц-другой восстанавливались и благополучно возвращались домой.

Второй этаж — ПМЖ, для тех, кто пришел сюда доживать свой век, долгий ли, короткий — кому как суждено. Большинство из обитателей второго этажа были в относительно здоровом уме, могли самостоятельно передвигаться или хотя бы самостоятельно есть и пить.

Третий этаж — для самых тяжелых, кто уже мало что или вовсе ничего не понимал, кого кормили с ложечки или через трубку и возили на креслах-каталках. «Баклажаны» — так называли этих несчастных.

Баба Лиза обитала на втором этаже. Прожив здесь пять лет, причисляла себя к ветеранам.

Все, кто на втором, конечно, знали, что рано или поздно очутятся там, наверху. Если не умрут раньше переезда. Словом, выбор был

небогат: либо напрямиком на кладбище со второго, либо — к «баклажанам», на третий. Перемещение на третий этаж многие воспринимали как наказание более страшное, чем сама смерть. Во всяком случае, так заключил Натан из их реплик.

Шел Пасхальный пост, окончания которого большинство старичков ждали с нетерпением. Мучились из-за того, что приходится есть мацу вместо хлеба. Маца хоть и символ, и когда-то сорок лет спасала народ от голода в пустыне, но крошки забиваются под зубные протезы. Деснам больно. Поэтому приходится припрятывать в комнатах хлеб и тихонько носить завернутые в салфетки мякиши в столовую. За это нарушение, конечно, обеда не лишат, хлеб не отнимут и к «баклажанам» не отправят. Медсестры делают вид, что ничего не замечают. Ешьте, бабульки и дедульки, на здоровье. Только чтобы тихо.

В зале постоянно работает телевизор. Почему-то выбран канал, где почти все время транслируют мыльные оперы: израильские, мексиканские, русские, американские — с ивритскими титрами. За быстро мелькающими титрами уследить не все могут. К тому же многие обитатели этого дома не знают иврита — владеют идиш и языком той страны, откуда приехали. Половина из них — русскоязычные. Но это не важно. Важно то, что в телевизоре бушуют страсти: там постоянно кто-то изменяет или хочет изменить, кто-то из ревности собирается застрелить или застрелиться или сделать и то и другое.

С утра, после завтрака, «киноманы» садятся у большого экрана. Вряд ли помнят, что произошло в предыдущей серии — кто от кого забеременел и чей муж собирался застрелить любовника чьей жены.

Тем более что одна мыльная опера после рекламы матрасов, автомобилей и водки «Абсолют» сменяется другой.

И здесь, в этом царстве, возникает странное впечатление, что там, на улице, бурлит именно такая жизнь: с любовью, пистолетами, тайными свиданиями в отелях. Там изменяют, страдают, хохочут. Там — фонтаны, пляжи, рестораны. Там, все там.

А здесь, по эту сторону, — тишина. Бездвижье. И только два ожидания: когда придет проведать кто-то из родных, обычно дочка или сын. И когда придет смерть.

А где она — смертушка, застанет меня? В моей комнате? Или в зале, за столом? А как лучше умереть? Лежа в кровати, во сне? Или сидя в кресле? Вон Абрам — умер в кресле. Сидел в зале, объявили, что время идти в столовую, а он не встает. Уже ТАМ. Счастливчик.

О, не смейтесь, не смейтесь. Это все-таки очень важный вопрос, один из первостепенных: где с ней встретиться? Ведь она уже близко, уже в зале. Шныряет между кресел, толкает каталки, зацепляет костыли и палочки так, что они с грохотом валятся из ослабевших рук. Она, дрянь этакая, давит в грудь, толкает в спину, ставит подножки, и ты падаешь на пол, ломаешь себе кости. И — что в ней самое отвратительное — постоянно хохочет, хохочет тебе в лицо. И никто ее не видит, никто из сидящих в зале. Вернее, ее видит каждый, но только каждый видит свою, свою проклятую, и никому нет дела до чужой.

Средство, которое помогает, — это, как ни странно, неподвижность. Нужно замереть. Тогда гадюка пошипит перед тобой и, обманутая, удалится на какое-то время. Пойдет к тем, кто еще

двигается, кто трепыхается. А я смогу спокойно додумать свою думу и найти ответ на самый важный вопрос: как же лучше всего умереть?..

В одном углу зала в клетке — канарейка. Насвистывает себе, клюет зерна. Вечером в восемь, почти как по часам, птица, умолкнув, прячет свою головку под крыло. Это своего рода сигнал. Тогда дежурная медсестра накрывает клетку темной тканью и громко сообщает, что «рабочий день закончился».

— Лайла тов. Спать. Шлофн. Буэнос ночес, — говорит она на разных языках, хлопая в ладоши, чтобы разбудить дремлющих или впавших в очень глубокую задумчивость.

Повздыхав и посетовав, что время-де летит так быстро и что еще один день прожит, те из старичков, кто в состоянии, поднимаются и, опираясь на палочки или металлические ходунки, отправляются в свои «квартиры», как они называют небольшие двухместные палаты. А неходячих увозят.

Глава 8

Елизавета Марковна медленно шла на поправку. Ее нога, еще две недели назад распухшая и посиневшая после операции, возвращалась в норму: опухоль сходила, исчезали кружева синяков. Сняли швы. Рана заживала. И дух бабы Лизы тоже постепенно восставал из руин.

Пришла физиотерапевт — приветливая израильтянка. Предложила Елизавете Марковне свою профессиональную помощь: «научить ее ходить с новой ногой», то есть помочь подняться с инвалидной коляски.

Баба Лиза на это предложение отреагировала очень бурно. Стала почему-то плакать и едва ли не прогнала бедную физиотерапевтшу. Та бы, наверное, ушла, да только не понимала, что говорит эта шумная старушка и почему так сердится.

А скорее всего, поняла, но не уходила. Ведь баба Лиза у нее не первая, кого приходится поднимать с инвалидного кресла. Понятно, что любому в такой ситуации было бы непросто: и бедро еще побаливает, и боязно к нему прикоснуться. А вдруг там штырь сдвинется? А вдруг рана откроется? А что, если воспаление началось внутри? И придется ампутировать всю ногу! Но если не буду ходить, то и мозги быстро усохнут, мозги у лежачих быстрее отмирают, это баба Лиза знает хорошо, не первый год на земле живет. И тогда переведут наверх, к «баклажанам»...

— Ой! Как болит! Сура! Дай таблетку! — стонет баба Лиза, и медсестра из «дежурки» отвечает, что сейчас принесет.

— Ты хотя бы попробуй встать на ноги. Вот увидишь — у тебя получится, — уговаривает ее Натан.

— Разве ты можешь понять мою боль? Где мне взять сил почти в девяносто лет, а? Я даже когда руку поднимаю, то задыхаюсь от усталости. А тут — подняться на поломанную ногу! Ох, зачем я не умерла во время операции... А ты меня совсем не жалеешь. Даже не можешь посидеть рядом со мной пять минут. Вечно куда-то убегаешь!

— Что же ваша бабушка решила? Будет пробовать ходить или нет? — обращается физиотерапевт к Натану на английском. — Спросите ее.

Баба Лиза и не нуждается в переводчике:

— Конечно, буду пробовать. Разве у меня есть другой выход?

Соседка бабы Лизы — Фейга. Она соседка по палате и по столовой, в зале они тоже сидят за одним столом.

Фейга — новичок здесь, появилась несколько месяцев назад. Она тучная, как будто бы вся отекая. Розоватые мешки под большими заплаканными глазами. С головой у нее определенно уже не все в порядке, но еще не до такой степени, чтобы попасть на третий этаж.

Волосы у Фейги всклокочены, верхние пуговицы халата часто не застегнуты. Она то печальная, то сердитая. Хоть соображает и плохо, но достаточно для того, чтобы понять, что очутилась в доме престарелых.

Несколько раз в неделю к ней приходит дочка. Дочке лет шестьдесят. Входя в зал, широко и как-то неестественно улыбается всем — и медсестрам, и старичкам. Очень громко со всеми здоровается. Наверняка ей непросто идти по этому залу под пристальными взглядами всех сидящих. Стыдно. Поэтому и улыбается так.

Фейга явно не любит бабу Лизу. Сидя за столом, ни с того ни с сего начинает извергать на нее громы и молнии:

— Ты — стукачка! Энкавэdistка! Из-за тебя люди сидели в тюрьме! Еще ты работала бухгалтером: подделывала документы и брала взятки!

— О, начинается. Лучше на себя посмотри, что ты натворила в своей жизни, — хмуро отвечает ей баба Лиза.

Натан недоуменно смотрит на обеих. Откуда Фейга знает такие подробности из жизни бабы Лизы? Неужели психически нездоровые

люди обладают способностями видеть прошлое и предсказывать будущее?

— Что я? Что я? — громко отвечает Фейга. — Я честная. Я сидела в лагере, ела баланду. Работала в колхозе. Любила мужчин. Рожала, делала аборты. Я и сейчас хочу любить мужчин!

— О-о, Фейга хочет замуж! Вы слышали последнюю новость? Фейге нужен мужчина. С хорошим органом. Девочки, готовьтесь: скоро будет хупа. Фейга, надеюсь, ты меня тоже пригласишь на свадьбу? — спрашивает ее женщина по имени Сима.

Крупная, как слон, с очень распухшими ногами из-за нарушения работы эндокринных желез, Сима еще относительно молода — ей нет семидесяти. Она совершенно одинока: муж умер, дочка давно живет в Австралии. Покряхтывая, Сима ходит по залу, уперев руку в широкую поясницу. Шаркает по полу туфлями, разрезанными сверху, чтобы их можно было как-то натянуть на распухшие ноги.

— За кого же мы выдадим Фейгу замуж? Рива, у тебя нет приличного парня для Фейги? Сура, а у тебя? Я знаю: мы ее выдадим за Ицика, — Сима подходит к одному старичку в ермолке на лысой голове.

Ицик сидит на стуле, безучастными, совершенно пустыми глазами смотрит перед собой. Его уже кормят с ложечки.

— Ицик, у меня есть для тебя невеста. Тебе нравится Фейга? — спрашивает Сима, кладя свою лапу на плечико Ицика. — Ты согласен? Вот и договорились. Только смотри, храни ей верность и не изменяй, — хохотнув, Сима отходит от Ицика. — Боже, здесь все сумасшедшие. Я скоро сама стану сумасшедшей. Нужно бежать отсюда, бежать...

— Нет, Ицик для меня очень старый, он уже «баклажан», — пытается шутить Фейга. — Иди сюда, сыночек, — подзывает она Натана. — Скоро придет мой сын. Он — известный математик, профессор в Иерусалимском университете. Он очень занят, поэтому не может прийти ко мне. Мой сыночек очень меня любит. Он так не хотел, чтобы я сюда шла.

— Ты — дрянная мать! — вдруг шипят на нее две старушки, до сих пор мирно сидевшие за соседним столом. — Ты думаешь только о себе. Ты что, хочешь испортить своим детям жизнь? Как бы они могли за тобой ухаживать, если им нужно работать? Или они должны ради тебя пожертвовать своими семьями?

— Нет, нет. Я хорошая мать, хорошая. Я думаю о своих детях, только о них. Я их очень жалею. Поэтому согласилась жить здесь. Сама попросила дочку, чтобы отвела меня сюда, — доказывает Фейга, и слезы в два ручья льются из ее больших мутных глаз.

— Бедная, бедная, бедная... — тихо повторяет баба Лиза. Не глядя на Фейгу, незаметно смахивает слезинку, бегущую по щеке. — Ей еще нужно будет привыкать, долго привыкать, пока смирится и успокоится, пока перестанет себя растравлять этими мыслями... — но общее настроение захватывает и ее: — Ой, нога! Сура, дай таблетку! Умру от боли!

Весь зал приходит в движение. Будто бы по тихой воде прошел огромный корабль и поднял высокие волны.

— Не могу больше этого выдержать! Замолчите вы все! Неблагодарные! Вас тут кормят, поят, моют ваши задницы, а вы еще чем-то недовольны! Фейга, замолчи, а то Ицик передумает и не женится на тебе. Баба Лиза, хватит, у меня от твоей ноги уже голова

болит. И вы все замолчите! Вас всех нужно отправить на третий этаж, всех! — возмущается Сима.

— Ой, нога! Су-ра!

— Я хорошая мать, хорошая. Я сидела в лагере в Норильске!

— Ну так что? А я в Треблинке!

Даже Ицик — и тот вышел из состояния окаменелости и приподнял голову.

— Все, девочки, довольно, не надо ругаться, — призывает всех, как малых детей, медсестра, поднявшись со своего стула в «дежурке».

Опытным взглядом определив, кому сейчас нужна ее помощь, подходит к Фейге. Гладит ее:

— Не плачь, дорогая, не плачь. Они все тебя любят. Но им самим тоже трудно. И дочка твоя тебя любит. И сын. Он к тебе скоро придет, просто он очень занят. У них же, у профессоров, сама знаешь, какая напряженная жизнь. Все будет хорошо, все будет бэсэдер...³

Глава 9

Они стояли с Софией (Сурой) неподалеку от дома престарелых. София была не в униформе медсестры, а в легком брючном костюме. Ее смена закончилась, и она собиралась домой.

Но одна из дорог впереди была перегорожена полицейскими машинами: среди них выделялся джип с выдвинутыми металлическими захватами, в которых был зажат какой-то темный ящик. Этот ящик грузили в бронированный кузов, а потом должны были увезти.

Как пояснил полицейский, кто-то из жильцов дома напротив увидел на обочине подозрительный ящик и позвонил в полицию. Обычная ситуация.

Натана же больше всего поразило не спокойствие полицейского, а почти полное безразличие к этому окружающих. Пешеходы шли себе мимо, изредка бросая ленивые взгляды на происходящее. Водители, вынужденные ехать в объезд, сердились, некоторые громко ругались. Словом, будто бы сейчас там нашли не ящик, возможно, начиненный смертью, адохлую кошку. Случись такое в Нью-Йорке, пришлось бы специально вызывать отряд полиции для разгона любопытных.

— Да, вам тут скучать не приходится, — Натан кивнул в сторону джипа и полиции.

— Вы правы. Но я уже научилась переживать только по мере поступления проблем, — София достала из сумочки пачку «Виржиния Слим» и закурила.

Она выглядела моложе своих пятидесяти. У нее было приятное, несколько полноватое лицо, с тонким носом и узким подбородком. Рыжеватые курчавые волосы были собраны сверху и заколоты.

Посмотрела на часы:

— Подожду, пока они закончат, чтобы не делать крюк.

Видимо, ей хотелось поболтать, поэтому и не уходила.

— Нелегко вам с моей бабушкой?

— Поначалу было трудно, потом привыкла. А в последнее время даже как-то полюбила ее. Однажды и совет у нее попросила, — София мельком взглянула на Натана, словно решая, можно ли ему открыть кое-что личное. — У меня были нелады с мужем, едва не дошло до развода. Спросила и вашу бабушку, как мне быть. Спасибо ей,

подказала... — она сделала неглубокую затяжку и выпустила струйку дыма. — Очень она за вас переживает: и что ребенка у вас нет, и что мало денег зарабатываете своими книгами.

— Что поделаться, не все в нашей воле. Знаете, мне хочется у вас кое-что спросить, вернее, рассказать...

Натану все не давали покоя слова Фейги. Баба Лиза — доносчица! Энкавэдистка! Из-за нее люди попадали в тюрьмы! А ведь это правда, правда...

Об этой темной страничке биографии Елизаветы Марковны в семье знали. Но для всех остальных — друзей и знакомых — это оставалось неизвестным.

Дело было в Бишкеке, куда она эвакуировалась во время войны. Занесло, так сказать, из центра Европы к самым предгорьям Тянь-Шаня.

В войну Бишкек (тогда он назывался Фрунзе) стал городом ссыльных: российских немцев, татар, турок — словом, всех «неблагонадежных» народностей. Для органов там было работы невпроворот. Еще бы! Кто же из особистов хотел идти на фронт, если можно было раскрывать опасные государственные заговоры на окраине сталинской империи, в горах Тянь-Шаня?

Бабу Лизу пригласили в НКВД: «Вы, Елизавета Марковна, женщина умная, красивая, имеете почти законченное высшее образование. Наверное, будете удивлены, узнав, что в городе окопалось немало антисоветских элементов. В такое тяжелое время, когда весь народ... Мы кое в чем подозреваем вашего старшего бухгалтера, товарища Н. Вернее, не до конца верим в его честность и благонадежность перед Родиной.

Вот вам тетрадка. Вы в нее, пожалуйста, записывайте все высказывания Н., которые вам покажутся странными. Вот и все. А у вас, если не ошибаюсь, четырехлетняя дочка на руках. Девочке нужно хорошо питаться. И в доме должно быть тепло, нужны дрова. И лекарства нужны. Вы же сами знаете, как часто теперь умирают дети... Отказаться от нашего предложения, конечно, вы можете, имеее полное право...

Зачем же вы так сразу отрицательно качаете головой? Вы нам показались женщиной умной. Неужели мы в вас ошиблись? Подумайте хорошенько еще раз. Кстати, один товарищ, очень сознательный, написал нам письмо, где упомянул и вас тоже. Очень любопытное письмо...»

И так, не спеша, то ласковым тоном, то грубым. С потухшей папироской в пепельнице. С пачкой «Беломора» на столе. А в окошке за его спиной — деревья, солнышко. И какое-то загадочное письмо от сознательного товарища. И малая дочка. И от мужа никаких вестей. Говорят, расстрелы там, в Вильнюсе, за каждого пойманного еврея немцы дают десять рублей, но литовцы выдают их бесплатно. Еще и добровольно предлагают немцам свои услуги — убивать евреев, и грабят еврейские дома, выносят даже посуду и полотенца. Вранье, конечно. Но какое-то предчувствие, что овдовела. В двадцать три года...

И папироска снова дымится. А вот как отведет сейчас в камеру! И там... «А вы женщина молодая, красивая...»

Словом, взяла баба Лиза ту проклятую тетрадку. Записывала все, что странного говорил старший бухгалтер завода. Потом отнесла тетрадку в кабинет к тому, с папироской. И сразу подвезли ей домой

дровишек, а зима выдалась холодная, и лекарства понадобились для дочки, и белый хлеб, и даже масло на хлеб. Но завяз коготок — дали бабе Лизе новую тетрадку. А старшего бухгалтера увели. Э-эх...

Узнав «бишкекскую страничку» Елизаветы Марковны, Натан одно время испытывал к бабушке едва ли не презрение. Ему было стыдно, что в их семье, что его бабушка — стукачка! Раз уж на то пошло, лучше бы сидела в тюрьме, если времена были такие — либо стучи, либо мотай срок.

Тогда он был слишком молод, скор в осуждениях. Но с годами многое в своих взглядах пересмотрел. Особенно после прочтения «ГУЛАГа». Если сам Солженицын — титан! — и тот признается в своей книге, что согласился быть стукачом в лагере и даже получил секретную кличку — Ветров, придуманную ему особистом во время вербовки! (Но не стучал.) Так чего хотеть от двадцатитрехлетней женщины, белоручки, из семьи адвоката, у которой вплоть до самой войны были гувернантки? С ребенком на руках попала в далекий, дикий Бишкек. А ребята из органов свое дело знали, звездочки на погоны получали не зря...

— О чем же вы хотели меня спросить? — София недоуменно посмотрела на Натана. Вот они какие — писатели: вроде бы нормальный человек, разговаривает о том о сем — и вдруг куда-то улетает мыслями. Наверное, сочиняет новый роман.

— А-а... — он словно очнулся. — Смотрю я на этих бабушек в доме престарелых. Сколько же им довелось хлебнуть на своем веку! И так печально заканчивают свою жизнь. Да, уход за ними прекрасный. И даже педикюр им делают, и перманент. Но какие-то они... одичавшие душой.

Глава 10

Вот и Пасха прошла. Натан взял билет обратно в Нью-Йорк: улетает через неделю. Напоследок поедет с Томом в Эйлат, на Красное море. Оттянется там немножко. Интересно, чем же все-таки Том занимается? Что у него за таинственный бизнес? Том в своем репертуаре — говорит загадками, играет в шпионов...

Баба Лиза пыталась ходить. Уже становилась на ноги, опираясь на ходунки. Но сделать шаг все никак не могла. Мешал страх. Дрожали руки.

Натан видел, что, несмотря на все оптимистичные уверения физиотерапевта, бабушка внутренне готовит себя к пожизненной прикованности к инвалидному креслу. Поэтому и нервничает так, и капризничает больше обычного.

Как же ей сказать, что он скоро уезжает, что уже взял билет? Жалко ее. Но что делать?

Он поездил по стране. Конечно, побывал в Иерусалиме. Прикоснулся к холодным, гладким камням Стены плача, воткнул туда и свою записку, и записку бабы Лизы. (Хоть и подмывало любопытство, но записку бабушки не прочел.)

Попросил у Всевышнего понятно чего — ребенка; в сравнении с девятилетней Саррой, Аня — еще девочка; попросил и новых книг, чтобы вдохновение не покидало. Даже и про бабу Лизу попросил — чтобы смогла ходить.

Побывал и в Иудейской пустыне, и на Голанских высотах. Записями и пометками исчеркал несколько блокнотов.

...А в Афуле пели горлицы. И в небе грозно гудели турбинами истребители F-16, направляясь куда-то на север, в сторону Ливана. И было непонятно, летят ли они бомбить или это пока только обычный учебный полет.

Еще один теракт был совершен в Иерусалиме — араб в хасидской одежде взорвал автобус. Оказывается, одеяние хасида очень удобно для совершения теракта: под лапсердаком легко прятать взрывчатку. Никаких подозрений. А пейсы можно приклеить.

По телевизору — всё крупным планом: кровь на разбитых стеклах, носилки с убитыми и ранеными, хасиды в перчатках, собирающие на месте взрыва останки в специальные мешочки. Все должно быть сохранено, каждая частичка тела еврея, кстати, и не еврея тоже, каждая косточка, каждый суставчик — все в мешочек. Потому что, когда придет Мошиах, а Он придет, не сомневайтесь, начнется всеобщее воскресение. Тогда — не сомневайтесь, пожалуйста, верьте и этому — косточка соединится с косточкой, мышца — с сухожилием, все стянется, свяжется и в один миг предстанут пред лицом Мессии народы — все со времен основания мира. И начнется новая, удивительная эра, новая жизнь. Не такая, как сейчас, а иная, какая должна быть, настоящая. И будут рядом мирно лежать ягненок с барсом и волк с козленком. И не будет врагов, ненависти, крови. Земля перестанет производить тернии и волчцы. И потекут реки меда и молока. Все это произойдет непременно, быть может, даже завтра утром или сегодня вечером...

Но пока, увы, приходится хоронить погибших, еще троих. Двоих — сегодня вечером, одного — завтра утром. Что-то говорят по телевизору их родные. Отцы, братья и мужья в ермолках читают

Кадиш скорбящих⁴. Плачут жены, сестры, матери, отрезая на кладбищах от черных своих платьев кусочки воротников. Раввины молятся. Премьер-министр выражает соболезнование. Завтра утром будут хоронить еще двоих. Почему двоих? Ведь остался последний, третий? Все правильно, но еще один скончался в госпитале от ран, не спасли. А-а...

Снова отец или брат — по телевизору, по радио, в приемниках автомобилей — читает Кадиш. Матери и жены надевают черные платья. Висят эти проклятые черные платья в шкафах. Хочешь или нет, надеть все равно придется.

Все звонят друг другу — в Хедеру, Тель-Авив, Ашдод. «Твои все живы? Никто не ранен? Слава Богу, Барух Ашем!..» У каждого магазина на входе — охранники. Обыскивают входящих, «прозванивают» детекторами, заглядывают в сумки, в глаза. И выходят утром из подъездов солдаты — паренки восемнадцати лет, очкарики, тянут автоматы и вещмешки к автобусным остановкам. И полные автобусы солдат.

И в доме престарелых есть бункер со стальной дверью. Там внутри — противогазы, лекарства, бутылки с питьевой водой и баллоны с кислородом. У каждого старичка и старушки — свой противогаз, именной. У «баклажанов» тоже. И у бабы Лизы. И у Фейги. И у Ицика. Каждому специально примеряли, подбирали размер. Кто знает, может, уже сегодня вечером или завтра утром случится не приход Мошиаха, не всеобщее воскресение, а ракетный обстрел. Придется спускаться в бункер.

После взрыва и похорон все поникли. Весь город, вчера еще такой веселый, такой Пасхальный, в цветах и вине, стал унылым, мрачным.

Никто не смотрит в глаза другого. Боятся показать, что теряют надежду, что устали ждать, устали верить. Ладно с Ним, Мошиахом, может, Он и не придет никогда. Но как бы просто пожить, чтобы без взрывов? Чтобы не показывали по телевизору эти раскуроченные автобусы, разбитые стекла, хасидов с мешочками для останков? Ведь так хорошо можно жить. Вдыхать запахи в масличных рощах. Купаться в горных речушках. Сидеть в кафе. Но почему-то такие простые радости кажутся неосуществимыми мечтами. И где? На земле, которую Всевышний обетовал Своему народу...

День поминовения! Помни обо всех усопших, обо всех мучениках, о всех погибших! Не забывай, чьей кровью и чьей жизнью тебе досталась свобода. Пусть даже такая свобода, со взрывами.

Натан ходил по улицам Афулы. Чувствовал непонятную вину из-за своей непричастности к этим страданиям своих единокровников. Отсюда, из прекрасного израильского далека, Нью-Йорк, несмотря на теракт одиннадцатого сентября, все равно казался ему городом сытым и благополучным.

Увы, не понять ему жителей Израиля, хоть он и еврей, а все евреи вроде бы — братья. Но ведь не живет он их страданиями, не видит в Нью-Йорке по телевизору все эти сцены после терактов, не боится в Нью-Йорке ездить в метро и без обыска входит там в любой супермаркет.

Он здесь — чужой. У них, в Израиле, своя жизнь. И привыкнуть к такой жизни трудно. Куда легче привыкнуть к американскому комфорту.

...Что-то странное стало происходить на улицах города. Траурные мелодии, звучавшие с утра, почему-то смолкли. Все вокруг пришло в движение — вдруг, под вечер, с первыми звездами.

Из домов стали выходить люди, выносить столы и мангалы. «Р-р-р» — задрожала земля, по улицам пошли танки и бронетранспортеры. И девушки в шортиках, с налитыми такими — ах-ах! — задницами и в футболочках. Загорелые такие, сочные. Все улыбаются, смеются. А-а... День независимости. Как? Сейчас? Подождите минутку! Я ведь предавался трауру. Вспомнил и про своего деда Натана, погибшего в войну. Неизвестно, где и как он погиб. Может, его расстреляли в первые дни войны, а может, позже — в сорок втором или сорок третьем, — при ликвидации Вильнюсского гетто. Натан всегда представлял себе деда не смертником, не жертвой, а героем. Одним из тех, кто организовал в гетто группу самообороны и готовил восстание. «Нас не поведут, как овец, на бойню!» — так начиналось их знаменитое воззвание...

— Эй, хавер!⁵ Ты почему не пьешь? Почему такой грустный? — окликнул его какой-то мужчина у широкого стола, на котором стояли бутылки водки, пиво, лежала горка только что сваренной кукурузы.

— Да? А что, надо пить? — Натан взял протянутую рюмку водки и початок кукурузы. Дал какие-то деньги.

— Конечно! Ты где живешь — на Луне? — мужчина легонько постучал пальцем по своим часам на руке. — Уже начало девятого. День поминовения закончился, начался День независимости⁶.

Праздник! Еврей не должен быть грустным. Пусть грустят наши враги!

Девчонки взобрались на танки и бэтээры и, сбросив босоножки, танцевали на броне. Солдаты, оставив автоматы, вылезли из люков кабин, обнимались с девушками.

Натан встречал сейчас медсестер и санитаров из дома престарелых с их супругами и детьми. И продавцов книжных магазинов, с которыми успел познакомиться, и гидов из турбюро. Одна из девушек, стоящая на бронемашине, громко звала его:

— Иди сюда! Ты что, не узнаешь меня? Я работаю в баре. Американец! Писатель!

Положив руки друг другу на плечи, танцевали хасиды. Развевались полы их черных лапсердаков. «Мошиах! Мошиах!» — выкрикивали они, и такая радость была на их лицах, что Натан, уже порядком захмелевший, вдруг ощутил себя навеки и неразрывно слитым с ними всеми — санитарями, таксистами, солдатами, хасидами...

А на темных холмах вспыхивали шестиконечные звезды. Бабахнул гром салюта. Все небо засверкало.

— Иди сюда, американец!.. Хавер, почему не пьешь?.. Нас не поведут, как овец, на бойню! Пусть плачут наши враги!..

Взяв руку девушки, он полез было на бронемашину. Но девушка почему-то руку выдернула. Хохотала, видя, как этот неуклюжий пьяный писатель шлепнулся на траву.

Поднявшись, Натан засмеялся и направился к хасидам. Вклинился в их крутящееся кольцо.

Мошиах! Мошиах!..

Глава 11

— Иди! Иди, бабушка! Не бойся!

Она, в голубеньком халатике, стояла, окруженная целой армией помощников, — физиотерапевт, медсестра София, Натан.

И все тридцать пар глаз в зале были устремлены на нее — низенькую, щупленькую, опирающуюся дрожащими руками на ходунки. Даже киноманы оторвали свои взоры от телеэкрана. Сейчас в этом зале происходило нечто, по своей значимости, по накалу эмоций затмевающее все страсти-мордасти любой мыльной оперы. Какие там к черту измены и погони! Все это глупости, чепуха.

Шутка ли! Женщина почти в девяносто лет, с поломанным бедром, перенесшая сложную операцию, пытается встать на ноги и ходить. Не хочет быть калекой. Ни за что не желает на третий этаж.

Баба Лиза сжимала, что было сил, трубки ходунков, сверху обтянутые мягкой кожей. Вся дрожала. Не столько от физического напряжения, сколько от волнения.

Физиотерапевт легонько поддерживала ее с одной стороны под мышку, медсестра — с другой.

— Бабушка, давай, давай... — просил Натан.

Несколько раз она набирала глубоко воздух и... все равно не двигалась с места. Стало ясно, что и в этот раз фокус не удался — не смогла старушка перейти черту, в один маленький шагок преодолеть пропасть, отделяющую ее от мира ходячих. Что ж, оно и понятно. Возраст. Силы не те. И дух не тот.

Не страшно, не беда, будем пробовать еще. Может, завтра получится. Может, послезавтра. Или через год. Время есть, спешить

некуда. Может, никогда. Люди живут и сидя, прикованными к инвалидным коляскам. Находят радости и в таком существовании: читают, смотрят телевизор, размышляют.

Да и куда, собственно, ей идти? На танцы? И зачем ей ходить? Ведь здесь, в доме престарелых, полный сервис: все подадут, отнесут. И отвезут.

Физиотерапевт незаметно кивнула медсестре и губы поджала: мол, все, надо ее сажать обратно в кресло.

— Молодетс, бэсэдер, — голос физиотерапевтши звучал слащаво и фальшиво, как у воспитательницы в детском саду, когда она хвалит ребенка за каракули на бумаге.

Что?! Какая сила помогла бабе Лизе поднять своими дрожащими, дряблыми руками ходунки, оторвать их от пола? В книгу каких рекордов это вписать?!

Натан увидел, как расширились от удивления глаза физиотерапевта, как вздрогнула медсестра:

— Лиза-а?..

Шажок. Маленький, крохотный, сантиметров на пять. Еще шажок. Еще.

— Какая она больная? Она здоровее всех нас, — зашипела одна старушка, глядя бабе Лизе вслед.

— Твой бабка — герой, с такой можно идти на любой фронт, — сказал Натану на ломаном русском сухощавый старичок, опирающийся на палочку. Он был из чешских евреев, во Вторую мировую войну помогал переправлять евреев из Италии в Палестину. Потом попал в плен к англичанам, бежал из лагеря и продолжал воевать.

Натан не сводил глаз с удаляющейся фигуры в голубом халате. Еще шагок. Еще... Скорчил гримасу, чтобы задержать набежавшие на глаза слезы.

— Ничего не понимаю. Все мужчины — бандиты, все женщины — проститутки. Кошмар, да и только, — баба Лиза отложила закрытую книгу. На салфетку рядом опустила большую лупу с черной пластмассовой ручкой. — Неужели это кто-то читает?

— Да, читают. Ты немного отстала от жизни, бабушка. В моих книгах еще все изображено романтично, даже старомодно.

— Не понимаю и понимать не хочу, — перебила она. — Все ваше современное искусство — одна порнография. И в телевизоре тоже сплошная порнография: все прыгают, визжат и дрыгают ногами. Моя бы воля — разбила бы этот телевизор и сожгла бы все ваши современные книги, — она приблизила к глазам согнутую в кисти руку, посмотрела на часы.

Зал уже опустел. Клетка с канарейкой была завешена. Уборщица вытирала столы.

— Ты молодец, что начала ходить, — Натан вдруг взял руку бабы Лизы. Хотел сказать ей о том, как гордится ею.

Она улыбнулась. Посмотрела на него так, будто увидела впервые:

— У тебя появились седые волосы. Ты очень... — запнулась, как будто не могла подобрать нужное слово. — Ты очень изменился за последние годы. Стал более терпимым к людям. Стал мужчиной, — накрыла его руку своей ладонью. — Ладно, уже поздно. Тебе пора

идти. А меня уже Фейга ждет. Будем с нею вести ночные дебаты о том, кто какой грех в жизни совершил. Нам есть о чем вспомнить. Будем каяться. Может, Бог услышит. Услышит, как считаешь? — в ее голосе как будто звучала скрытая тревога.

— Не знаю. Должен услышать.

— Представляешь, иногда с ней так разговоримся, так распереживаемся, что потом не можем заснуть. Ворочаемся до утра. Нужно попросить Суру, чтобы увеличила мне дозу снотворного.

— Ты пойдешь сама или тебя отвезти? — спросил он.

— Повези. Я сегодня уже находилась за день. Устала.

Натан помог бабе Лизе осторожно переместиться из обычного кресла в инвалидную коляску. Повез ее по коридору в палату. Смотрел сверху на ее маленькие, опущенные плечи под халатом. На ее седые, редяющие волосы. Теперь, когда был взят обратный билет на Нью-Йорк, о чем баба Лиза еще не знала, он испытывал к ней сильную жалость и даже новое чувство, похожее на любовь...

Здесь, в доме престарелых, он впервые с предельной ясностью осознал, что бабушка не бессмертна. Что и он тоже, как и другие люди, независимо от возраста, — ВСЕ стоят перед великой тайной Вечности. И в свете этого «открытия» такими нелепыми, мелочными, глупыми теперь казались ему все его прежние обиды, претензии, скорые суды...

По дороге Елизавета Марковна бросала взгляды в раскрытые двери других палат-квартир — любопытно, что делается у соседей.

— Да, чуть не забыл тебя предупредить: я завтра не приду. И послезавтра тоже, — промолвил он, когда «въехали» в комнату.

Там, на одной из кроватей, лежала Фейга, постель бабы Лизы уже была расстелена.

Над кроватью бабы Лизы висела знакомая свадебная фотография — баба Лиза с дедом Натаном. Она в белом платье, волосы завиты, губы улыбаются, как улыбаются и глаза. И дед Натан — в костюме и при галстукe, слегка склонившись к жене.

Этот снимок всегда в памяти Натана вызывал строфу из стиха Блока:

*Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе...*

Кстати, на стене возле кровати Фейги — похожая фотография, где молодая женщина лет двадцати, тоже полная жизни, рядом с мужчиной в гимнастeрке...

— Куда это ты собрался? — баба Лиза насторожилась. — И почему на три дня?

— В Эйлат, с туристической группой.

— Неправда. Ты едешь с Томасом. Я же знаю, что ты едешь с этим бандитом! — ее лицо стало суровым.

— А даже если и с Томом? Что с того? Он — мой друг детства, — сердито ответил Натан, досадуя в душе на свою болтливость: зачем сказал ей про недавнюю встречу с Томом? Попутно в очередной раз поразился и пронизательности бабушки. Ничего от нее не утаишь!

— Натанчик, внучек. Пожалуйста, прошу тебя, — она перешла на плаксивый тон. — Не надо никуда с ним ехать, это добром не кончится.

Твой Том сидел в тюрьме в Литве и здесь тоже непонятно чем занимается. Он тебя втянет в беду...

— Не волнуйся. Все будет хорошо.

Фейга, до сих пор неподвижно лежавшая на кровати, повернула к нему лицо:

— Сыночек, бабушку нужно слушать. Никуда не едь. Иначе тебя застрелят, и ты будешь лежать в яме.

— Замолчи! Чтоб твой язык отсох! — накинулась на Фейгу баба Лиза. Снова посмотрела на Натана, но уже твердо. — Знай: если ты поедешь, то в живых меня не застанешь, — и потянулась к кнопке у кровати, чтобы вызвать медсестру.

... — Ой, больно. Как больно, — доносилось из палаты, когда пришедшая медсестра укладывала бабу Лизу в кровать. — Как же все это выдержать?..

Глава 12

Многие магазины Хайфы еще были закрыты. Но улицы, слишком узкие для города с таким количеством машин, уже были запружены автомобилями, в некоторых участках даже возникли пробки. В такую-то рань!

— Значит, план сегодняшнего дня таков: сперва делаем бизнес, кое-куда заедем и кое с кем повидаемся. Это много времени не займет, к обеду управимся. Потом заправляем полный бак и... — Томас присвистнул. — Прямым ходом — в Эйлат. Номер в отеле забронирован, все ништякас. Кстати, ты не забыл взять свою книгу? Будет мне что почитать на отдыхе.

Они вышли из кафе и направились к машине Тома, припаркованной неподалеку. Но шли почему-то не по прямой, а свернув в какой-то переулок.

– Ты, как всегда, ходишь лабиринтами, — сказал Натан.

В глубине души у него все же шевелился нехороший червячок — уж слишком разнервничалась баба Лиза перед его уходом. Понятно, что не хотела лишаться его присутствия, каждым мгновением которого так дорожила после стольких лет одиночества. Вот и устроила сцену.

«Ты меня видишь в последний раз! Все, я умру! Прощай, внук!» Сколько раз баба Лиза произносила эти роковые слова в разных случаях, вытирая при этом слезы, и тянулась к Натану своими пухловатыми руками, привставая на цыпочки. Натан послушно наклонялся, чтобы бабушке было легче. Он уходил в армию — баба Лиза поцеловала его «перед смертью» (своей); уезжал в Америку на год — баба Лиза за столом произнесла тост, в который вплела неизменный мотив своего «умирания», из-за чего все гости взгрустнули; приезжал в Израиль проведать родных — баба Лиза встречала его со словами: «Какое чудо: я дожила в этот раз», а провожала: «Прощай, теперь уже навсегда».

А может... Может, в такой ее манере расставаться скрыта большая человеческая правда? Ведь никогда не знаешь, что произойдет завтра, сегодня, через минуту...

— Да, брат, работа у меня такая, что приходится ходить лабиринтами, — Томас вытащил из кармана связку ключей. — Прощу, мистер. Сумку свою забрось в багажник, а сам садись на переднее сиденье. Теперь задавай мне поменьше вопросов, сейчас все сам поймешь.

Сев за руль машины, Томас достал свой мобильник:

— Менахем? Все, как обычно? Буду через пятнадцать минут.

Вж-ж-жих! — завелся мотор.

В некоторых местах Хайфа отдаленно напоминает старый Вильнюс. А еще Хайфа чем-то похожа на район Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке, где на тихих улочках еще витает старинная печаль уходящих веков...

Но к делу это сейчас никакого отношения не имело. Во всяком случае, к тому делу, которым занимался Томас и — невольно — сидящий рядом с ним мистер Натан из Нью-Йорка, как представлял его Том своим «клиентам».

Его машина неслась по улицам Хайфы. Томас сейчас был предельно сосредоточенным и серьезным. С Натаном почти не разговаривал. Принимал телефонные звонки и сам кому-то звонил. По окончании разговора извергал грязную ругань в адрес каких-то Бень, Сар, Мойш. То и дело поглядывал в зеркала заднего вида, нет ли за ним чего подозрительного.

Остановившись на «точке», открывал боковое стекло, и в салон всовывался какой-то тип. Сначала недоуменно смотрел на Натана, мол, кто этот пассажир?

— Все бэсэдер, не переживай. Это мой друг, мистер Натан из Штатов. Он там торгует коксом⁷. Привез мне немного на пробу. Без

примесей, кошерный. Хочешь взять? — рука Тома ныряла под сиденье, где была спрятана небольшая упаковка.

— Сколько ты хочешь за грамм?

Клиент передавал Томасу свернутую купюру и брал из его рук крохотные целлофановые пакетики. Все это — разговор, передача денег и наркотиков — занимало не более минуты.

Неподалеку от банка «Леуми» к ним подошли два молодых хасида. Один из них, просунув в окно голову и не снимая шляпы, передал Тому деньги. Говорил он на какой-то чудовищной смеси иврита и русского.

Потом в их машину на заднее сиденье лихо запрыгнула красотка в облегающем джинсовом костюме:

— Шалом. Я затрахалась тебя ждать. Если будешь опаздывать, уйду к другому. Понял?

— Извини. Встречал в аэропорту друга из Нью-Йорка. Он, кстати, привез мне немножко кокса. Хочешь попробовать? Их, американский, с нашим не сравнить, наш просто говно. Нет, в долг я не даю, у меня железное правило. Но для тебя, так и быть, сделаю исключение, — Томас передал девушке пакетики. — Да, скажи Хаиму, что у него будут большие проблемы, если не вернет мне пять тысяч.

Девушка вышла и, как ни в чем не бывало, размахивая сумочкой, пошла по улице.

— Лерва⁸, — промолвил Том, глядя ей вслед.

Натан сидел молча. Признаться, к такому он не был готов. Том — наркоторговец! Влез в такую грязь! Еще и использует их давнюю дружбу в коммерческих интересах...

Смущали и проезжающие мимо полицейские машины. Натану казалось, что сейчас их остановят, потребуют выйти, устроят обыск. Наденут наручники. А потом доказывай в участке, кто есть кто.

Грустно. Ни черта не осталось от их дружбы. Какие-то детские воспоминания, дурачества юности. Слабенькие запахи, источаемые уже опавшей листвой. Впрочем, еще там, в Вильнюсе, когда им перевалило за двадцать, уже было видно, что они с Томом — слишком разные люди, и дороги их начали расходиться...

Потом Натан подружился с Эдикасом Басийокасом. Вместе учились в универе. Эдикас родом с хутора под Паневежисом. Самородок, он виртуозно соединял фольклор и модерн в своих стихах. Литовский язык, не слишком мелодичный и гибкий для поэзии, во всяком случае, менее мелодичный, чем русский или английский, в стихах Эдикаса раскрывался в таком неповторимом звучании, с такими обертонами!

Перед глазами Натана возник фонтан неподалеку от старого Вильнюсского кукольного театра. Еще было холодно, весна только началась, и фонтан был выключен. Вдвоем с Эдикасом — студенты первого курса — они сидели на гранитном холодном бортике. Спешили куда-то прохожие, на кольцевой разворачивались троллейбусы. Эдикас в меховой шапке, сдвинутой на макушку, читал стихи, говорил о призвании поэта, что призвание — это от Бога, не от людей...

Эдкас, хэй! Как ты там, в свободной Вильне? Как твой литературный журнал?..

— Ты не боишься этим заниматься? — спросил Натан, все сильнее мучимый дурными предчувствиями. Может, не ехать ни в какой Эйлат? Попросить Тома, чтобы подбросил его к автобусной остановке, и вернуться обратно в Афулу?

Их машина стояла на тенистой улице, и они ждали последнего «клиента».

Томас пересчитывал деньги.

— Полиция теперь занята безопасностью, до нас у нее руки не доходят.

— А конкуренты?

— Эти опасны. Сейчас все хотят влезть на русский рынок, даже арабы, — он засунул толстую пачку денег в карман. — Ну где же этот лохас?⁹ Сколько его можно ждать? А-а?!

Все происшедшее потом длилось секунды, но в восприятии Натана растянулось до бесконечности. А событие и вправду относилось к разряду вневременных, тех, которые длятся мгновения, а изменяют жизнь навсегда.

Завизжали тормоза, и в двух шагах, перекрыв им дорогу, остановилась серая «Субару». Натан не успел повернуть голову, чтобы посмотреть, куда вдруг провалился Томас. Застыв, как истукан, глядел перед собой неморгающими глазами.

Из переднего окна «Субару» высунулся мужчина в черной маске. Фонтанчики огня вдруг запрыгали из его вытянутой руки. После каждой вспышки раздавался приглушенный звук: д-дух! д-дух! — и машина Томаса легонько подергивалась.

Мужчина в маске направлял пистолет в разные стороны. Д-дух! Д-дух!..

Натан словно онемел, ему стало страшно холодно. Но странно — им овладела непонятная уверенность в том, что именно сейчас он не погибнет. Хотели бы убить, стреляли бы не в капот машины, а по нему. И вообще он не причастен к этим разборкам драгдилеров! Он в этой машине очутился совершенно случайно. Не может же он погибнуть так бестолково!.. По краешку сознания вдруг скользнула нелепая мысль, что он обязательно вставит этот эпизод в свой будущий роман.

Взвизгнув шинами, серая «Субару» рванула с места и скрылась за поворотом.

— Натик! Натик, ты жив?! — кричал Том, тряся его за плечо...

...— Ты что, заснул? Или перегрелся на солнце? Спрашиваю еще раз: ты в туалет хочешь? Остановиться на заправке?

Натан вздрогнул, будто очнувшись. Бросил на приятеля странный взгляд. Посмотрел по сторонам. Он сидел в машине Томаса, и машина неслась по шоссе:

— А-а, Том, это ты... Нет, в туалет я не хочу, едем без остановок до Эйлата. Мне на ум пришла одна интересная мысль, сюжет для будущего романа. Про то, как один писатель встречается с другом детства — драгдилером и невольно помогает ему продавать наркотики. Потом на них наезжают...

— Звучит, как очередная чернуха, — заключил Том, присвистнув.

Кстати говоря, Томас занимался продажей автозапчастей и никогда не имел ни малейшего отношения к наркоторговле.

Глава 13

День отъезда. Все уже сказано, переговорено. Два больших букета цветов: один на столе у бабы Лизы, другой в «дежурке» медсестер. И коробка шоколадных конфет в «дежурке». И конверт с деньгами в кармане у медсестры Софии.

Больше всего Натан почему-то опасался предстоящей сцены прощания. Все-таки против своей натуры не попрешь, а по натуре своей баба Лиза всегда была актрисой в душе. Он с досадой ловил себя на мысли, что сейчас бабушка начнет демонстративно плакать, громко причитать, чтобы все вокруг видели. Конечно же, не преминет упомянуть о «последнем разе», о том, что они «уже никогда не увидятся».

Встав на ноги и начав ходить, баба Лиза быстро обрела все свои прежние манеры и привычки «до падения». Тон ее голоса уже не был жалостливым и плаксивым; он нередко становился и распорядительным, и требовательным. Каждое утро она теперь наводила «марафет»: красила губы помадой, пудрилась, часто смотрелась в зеркальце на предмет морщин и старческих горчичных пятнышек на лице. Заказала перманент и педикюр. Даже заставила Натана сделать небольшую перестановку в ее комнате: передвинуть тумбочку и кровать. Попросила, чтобы на окнах ей поменяли жалюзи. Намеревалась провести и капитальную перетряску своего гардероба. Словом, начала новую жизнь, с чистого листа. Была полна планов.

Медсестры, надо сказать, первыми это заметили, поскольку им теперь приходилось чаще ходить по ее поручениям и принимать от нее новые заказы.

Но все, включая и обитателей, и персонал, были рады тому, что все вернулось на круги своя. Ведь гораздо лучше слышать голос бабы Лизы, требующей поменять скатерть на ее столе, чем уже никогда не услышать голоса Ривы, которую два дня назад увезли «по скорой», а вчера ее сын пришел забрать все ее вещи...

— Ба, я вот что хотел тебя спросить... — Натан замялся. Ему было трудно найти подходящие слова. — А что, если я тебя увезу? В Америку, в Нью-Йорк, а? Там тоже есть дома престарелых. Неподалеку от моего дома, кстати, есть один. Туда, правда, я ни разу не заглядывал. Но уверен, что там не хуже, чем здесь. Буду к тебе навещать, иногда забирать тебя к себе домой. И из Канады тоже в Нью-Йорк не так далеко.

Баба Лиза настороженно посмотрела на внука. Ее губы искривила недовольная улыбка:

— Что ты такое говоришь? Куда мне ехать в девяносто лет? Хватит, наездила. Доживу спокойно здесь и умру спокойно... Ты не опоздаешь? — она посмотрела на часы.

— Нет, не опоздаю. Ты все-таки подумай, ладно? А я в Америке все разузнаю и тебе позвоню.

Он поднялся. Баба Лиза тоже хотела встать, положила руки на ходунки.

— Нет, ба, не надо. Сиди, — он легонько опустил ладонь на ее плечо.

Посмотрел ей в глаза. В ее живые, умные глаза. Темные, как две спелые вишни. Не было в тех глазах сейчас ни слез, ни жалобы, ни горя. Печаль какая-то. Да, разве что печаль.

— Все, иди. Иди, внук, — сказала она настолько спокойно, что Натан даже поразился ее ледяному голосу.

Наклонившись, поцеловал бабушку в щеку. И запах уловил — пудры, тот знакомый, незабываемый запах пудры, с которым баба Лиза однажды вошла в его детство, в его мир.

— Иди, иди.

По коридору направился к двери. Вот и все. Никаких сцен. Никакого театра. Все прошло тихо, спокойно. Почти буднично...

Взявшись за ручку двери, оглянулся. Чтобы увидеть еще раз ее лицо. Лицо женщины, всегда умевшей «закрывать свое сердце», подчиняя эмоции своей твердой воле.

...Она буквально тряслась в кресле. Все ее тело ходило ходуном, тряслись плечи, голова. Рот ее был широко раскрыт, словно она пыталась вобрать в себя побольше воздуха.

Натан едва не ринулся назад, но стоявшая возле бабы Лизы медсестра решительным жестом попросила его уйти, уйти поскорее...

Он стоял на одной из невысоких гор, возле беседки для отдыха. Ждал Томаса, который должен был отвезти его в аэропорт.

Сердце его было полно самых противоречивых чувств. Досада на себя, чувство вины, жалость к бабушке, гнев на родных в Канаде — все это смешалось в нем.

Он вдруг понял, что в его жизни произошла ошибка, случилось что-то неправильное. Столько лет он жил рядом и будто бы так никогда и не встретился с бабушкой. Почему-то, по какой-то их обоюдной глупости они всегда расходились, чаще прощались, чем встречались, проходили мимо друг друга, считая один другого чужим. Но ведь это не так. Ведь была же и любовь в их сердцах. Но почему-то эта любовь никогда не раскрывалась, а всегда пряталась, уходила в тень, уступая место другим, незначительным и мелким чувствам и вещам.

«Это настоящее свинство с моей стороны, и со стороны мамы тоже, и сестры. Но еще не поздно, еще все можно поправить».

Изредка за его спиной проезжали машины. Ветерок приятно касался лица.

Гора Фавор темнела вдали. Несметные стаи птиц кружили у той горы. Будто бы прозревали там птицы то, чего человеческий глаз видеть не мог. И, как тысячи лет назад, отовсюду к Фавору устремлялись облака. Облака то стремительно падали за Фавором, создавая белоснежную стену, то медленно свивались вокруг вершины в кольцо, мерцая неземным, таинственным светом...

Эпилог

По возвращении в Нью-Йорк Натан и в самом деле занялся «делом бабы Лизы».

Сначала решительно объяснился с родными в Канаде на этот счет. Правда, без особых результатов — те были крайне озабочены послеродовой депрессией Светки и какой-то аллергией младенца.

Вне зависимости от родных Натан решил действовать. Конечно же, сразу столкнулся со множеством разных «но». Как гражданин США, он имел право вызвать бабушку в Америку. Но согласно закону нужно ждать год, пока она получит медстраховку и право жить в доме престарелых. Как минимум год. Без лекарств и медобслуживания.

И отправился Натан, что называется, по инстанциям, обивать пороги. Писал к конгрессменам, добился встречи с сенатором штата и депутатом городской Ассамблеи. Все что-то обещали. В одних кабинетах как будто искренне, в других формально, для «галочки».

И тут случилось чудо! Аня забеременела! Без всяких лекарств и уколов. Без дорогостоящих тестов и процедур. Не в пробирке, не искусственно. А как обычная женщина беременеет: прекратились месячные, стало подташнивать. И осанка вдруг у нее изменилась: спина выгнулась, а живот выпятился вперед. Еще плоский живот, но в нем уже забилося чье-то сердечко. Девочка.

Баба Лиза тоже очень обрадовалась, когда Натан по телефону сообщил ей эту новость.

— Вымолили ее все-таки! Только поменьше говори об этом всем вокруг, чтобы не сглазили.

Насчет своего переезда в Америку баба Лиза по-прежнему ворчала. Зачем ей это нужно? Лучше пусть он приедет ее проведать, когда сможет. Правда, с грустью обмолвилась, что теперь у него забот прибавится и ему будет не до своей старенькой бабушки. Но о ней пусть не думает, ей-то все равно скоро помирать. Ребенок важнее.

Но ошиблась баба Лиза. Он продолжал писать письма и ходил по кабинетам. Даже специальную папку завел — кожаную, на молнии, где хранил все бумаги, связанные с «делом бабы Лизы».

Он порой мечтал: вот родится ребенок, баба Лиза переедет в Америку. Будет жить в доме престарелых, что минутах в пятнадцати ходьбы от его дома. Натан туда уже не раз заходил, и с директором познакомился, а с их социальным работником вместе сочинили и отправили несколько писем влиятельным лицам и организациям.

Представлял себе, как все соберутся у них дома, все поколения — и правнучка, и прабабушка. Протянутся ниточки, соединятся через время и пространство. И тогда все в жизни встанет на свои места. Так, как должно быть.

Бабе Лизе тоже передались его надежды, словно «заразил» ее Натан своими мечтами. Старики тоже, оказывается, любят помечтать. Почему же всем можно, а им нельзя? Нет-нет да и спрашивала, слышно ли что нового о том ее «смешном» переезде, есть ли какие новости.

И новое чудо случилось. Не такого порядка, как беременность Ани, а чуток поменьше. Но все равно — чудо.

Пришла бумага из одной благотворительной еврейской организации. Заказным письмом. В той бумаге с официальной шапкой, печатями и подписями сообщалось, что эта организация согласна помочь Натану в его «деле» с Елизаветой Марковной. Готова поместить бабу Лизу в тот дом престарелых, что около дома Натана. Возьмет на себя оплату по ее содержанию там до тех пор, пока она не получит государственную медстраховку и пособие. Даже с ее переездом в Америку готовы подсобить.

Все было хорошо в той замечательной бумаге. Одно только плохо. Не дождалась ее бабушка Лиза. Умерла.

2005 год.

¹ Лаба дена (*литовский*) — Добрый день.

² Чувакас — литовский молодежный жаргонизм. Производное от русского слова «чувак».

³ Бэсэдер (*иврит*) — все в порядке, все в норме.

⁴ Кадиш — еврейская поминальная молитва.

⁵ Хавер (*идиш / иврит*) — друг, приятель.

⁶ В Израильском календаре праздник День независимости начинается сразу же по окончании Дня поминовения, в восемь часов вечера.

⁷ Кокс (*жарг.*) — кокаин.

⁸ Лерва (*литовский*) — гулящая девка, шлюха.

⁹ Лохас — литовский молодежный жаргонизм. Производное от русского слова «лох».